

Котел Ниша

4.2.95.

Приостановленная предметность

как позиция Нины Котел

Сегодня. - 1995. - 4 февр. - с. 12.

Елена Петровская

ходя в белый зал с опознаваемым прямоугольником старинной печи, вы не видите того, что настроились увидеть: перед вами не живопись и не графика, а тонкие голубые полоски, аккуратно расположившиеся вдоль нижней трети каждой из стен. Что это? — думаете вы, и в этих ровных голубых прорехах вам видятся следы забытых изразцов — возможно, первоначального убранства печи. Вы все еще в недоумении, и тогда делаете шаг вперед, еще один, и в мягких трещинах стены внезапно проступает небо, живущее беспокойной жизнью света и облаков.

Даже если Нина Котел приучила вас к тому, что вы увидите предметное изображение, каждый раз вам предстоит пройти определенный путь к нему. Путь внутри самого изображения или же на внешних подступах к таковому. Что такое узнавание? Это овладение предметом, включение в процесс нашего восприятия памяти, механизма подобий, с помощью которого мы можем подводить даже неизвестное под уже известный класс вещей. Соотносить его с последним. Наделять это неизвестное именем и тем самым забывать, тут же забывать о том, что был некий путь, если угодно, встреча, был момент, когда наши знания нам не помогали, когда нас влекло за собой совсем другое: любопытство, желание, первородный страх. Желание быстро удовлетворяется, страх проходит, любопытство венчается пониманием, и мы снова принадлежим самим себе, испытав мгновенное облегчение. Но Нина Котел как будто хочет расти-

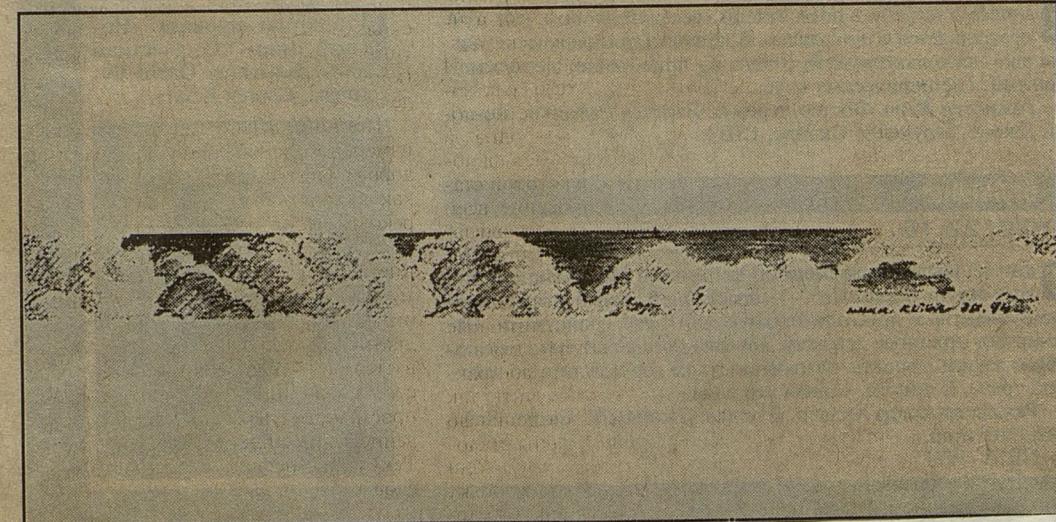
нуть этот миг, обратить нас назад к ощущению нашей растерянности, даря нам взгляд неотрывный и чистый. Взгляд, предшествующий всякому слову о нем.

Нина Котел — художник приостановленной предметности. Если позволительно говорить о каком-либо приеме, используемом ею, то это, пожалуй, прием смешаемых дистанций. Глаз, видящий небо, принадлежит уже не человеческому телу, служащему мерой расстояний и объемов, а чему-то такому, что стремится зарыться в самую толщу земли. Этому вторит развеска: приклоните голову, чтобы унестиесь ввысь, — вот что подсказывает она. В других работах Нины Котел привычные предметы вырастают, наоборот, до немыслимых пропорций: таковы, например, грандиозные скалы суповых костей или галактические кольца снежных проталин. Катализмы стремительно догорающих головней. В любом случае создается временной зазор: мы еще не овладели вещью, а вот вещь уже узнала нас. Она узнала нас, но, как всегда, осталась свободной от каких-либо притязаний, в то время как мы направляем все усилия нашего «я» на то, чтобы подчинить ее себе. А вещь продолжает свое независимое и безличное существование, как это делает небо, пропуская через себя потоки энергичных или замлевших облаков. Небо освобождается от нас: от наших метеорологических и символовических предсказаний, от наших человеческих описаний, оно играет само с собой. Курил трубку, посыпая кольца дыма, а кто-то может подсмотреть за этим в щель. Но это снова образ, снова разгадка, поздняя и неверная, потому что небо, конечно, существует просто так. Искусство Нины Котел предметно, поскольку оно учит предметам,

учит неторопливой и самостоятельной жизни вещей.

Я бы осмелилась провести параллель между творчеством Нины Котел и ранними модернистскими экспериментами в литературе (возможно, одним-единственным, но радикальным экспериментом). Нина Котел, как мне кажется, работает на пределе поставленной задачи, обращаясь именно к предметным образам, которые, как я пытаюсь это показать, обладают своеобразной отсроченной фигуративностью. Нина Котел упорно не расстается с предметностью, она не подвергает изображение членению на грани и одновременно изломанные лучи нашего взгляда, она не уплощает формы, изводя их до нескольких аппликаций, до плоских и пустых лекал; она не совершаet никаких иных преобразований в отношении самой предметности. И при этом предметный образ — это та живописная единица, или та неустранимая данность, с которой она имеет дело, постоянно ставя figurativность под вопрос. Точно так же модернизм пробовал работать с языком, с литературным языком, сохранив в качестве начального составляющего слово, неизбежно обремененное грузом языковой памяти и символовических значений. Но делалось это так, чтобы слово «забывало» о своих источках, чтобы оно забывалось в самом себе и представляло в самодостаточной вещной логике сплеления с другими такими же словами (сплеления подчас весьма произвольного) независимо от коммуникативного предначертания языка.

Рано или поздно мы узнаем то, что изображено на картинах Нины Котел — ах, это небо, скажем мы и успокоимся, но с нами останется неуловимая тень беспокойства, вызванного тем, что небо нас опять опередило.

ТВЕРЬ